

## СЕРИЯ 10. «РЫЦАРИ ХРАБРЫЕ ПАЛИ ВО ПРАХ»

### СЦЕНА 1. СЕВЕРНАЯ ТАВРИЯ.

С последних событий прошло полтора месяца – август 1920-го года.

Утро. К селу медленно приближается передовой конный разъезд Дроздовской дивизии; командует им ГЛЕБ; среди всадников – ИГНАТ. Издали слышится шум мотора. Всадники останавливаются. Из села появляется автомобиль.



Северная Таврия.

ГЛЕБ. *Всем спешиться. Приготовиться. Без команды не стрелять.*

Всадники спешиваются, снимают винтовки, передёргивают затворы. Глеб вглядывается в машину. По мере её приближения видно, что на капоте нарисована красная звезда.

ГЛЕБ. *Стрелять только по колёсам! Берём языка! Огонь!*

Дроздовцы открывают огонь. Автомобиль пытается развернуться, пуля попадает в шину, и он застревает поперёк дороги. Из машины выскакивают трое красноармейцев и командир (на левой стороне кителя орден «Красное Знамя»). Двое тут же падают убитыми. Командир и оставшийся красноармеец прячутся за автомобилем, начинают отстреливаться (командир – из маузера, боец – из винтовки).

ГЛЕБ. *Так мы их живыми не возьмём.*

ИГНАТ. *Зарылись, как кроты.*

ГЛЕБ. *Ребята, на конь!*

(Все вскакивают в сёдла.)

Галопом – марш!

Дроздовцы пускают лошадей в галоп с места. В одного попадает пуля красного командира. Остальные мчатся к автомобилю, окружают красных. Спешиваются, связывают пленным руки.

### СЦЕНА 2. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ. КАБИНЕТ ЛЕНИНА.

ЛЕНИН сидит за столом, напротив него – заместитель наркома юстиции КРАСИКОВ.

ЛЕНИН. Ну что же, я просмотрел последнюю редакцию постановления Наркомюста «О ликвидации мощей». Очень наглядно, товарищ Красиков, вы расписали там все поповские фокусы. Читал с большим удовольствием! Теперь необходимо провести эту ликвидацию с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в кратчайший срок.

КРАСИКОВ. Выполним, Владимир Ильич.

Раздаётся стук в дверь, входит АСТРОНОМ.

АСТРОНОМ (пожимая всем руки). Извиняюсь за опоздание: мой автомобиль сломался, пришлось на «Аннушке» добираться.

ЛЕНИН. Присоединяйтесь, товарищ Млечин, к нашему разговору.

(Астроном садится в кресло.)

«Мощевую эпопею» мы с успехом завершаем... Кстати, всё забываю спросить: нашли того вороватого попа, который, как вы подозреваете, стащил череп из Лавры?

АСТРОНОМ. Дзержинский говорит, что он недавно сюда, в Москву, к Патриарху Тихону заявился. ЧК его отследила, да больно хитрый поп оказался. Через дыру в заборе из патриаршьего сада ушёл и на Сухаревке среди пьянчужек затерялся.

ЛЕНИН. Неслыханно! Тысячу раз замечательно! Какой-то попик всю ВЧК вокруг пальца обвёл!..

(Смеётся.)

Необходимо немедленно отыскать этого похитителя черепов и подвести под нарушение постановления «О ликвидации мощей». И голову эту «святую» надо найти, чтобы не было всяких спекуляций.

АСТРОНОМ. Хорошо, я передам ваши указания Феликсу и сам приму кое-какие меры.

ЛЕНИН. Ну те-с, продолжим, товарищ Красиков.

### СЦЕНА 3. СЕВЕРНАЯ ТАВРИЯ.

ГЛЕБ подходит к красному командиру. Тот сидит, прислонившись спиной к автомобилю, утирая рукавом потное лицо; когда отводит руку, Глеб видит, что это – его бывший сослуживец и брат Талочки АНДРЕЙ КОВАЛЕНКО.

ГЛЕБ. Андрей? Опять нас с тобой свело...

АНДРЕЙ. Да уж... Увы, поменялись ролями. Помнишь Грязи? За тобой, кстати, должок. Я тебя тогда отпустил.

ГЛЕБ. А я не отпущу.

АНДРЕЙ. Вот ты как заговорил... корнет.

ГЛЕБ. В том-то и дело, что я давно уже не юноша-корнет...

АНДРЕЙ (усмехается). Не видно, чтобы повзрослел.

ГЛЕБ. Тогда, в Грязях, меня просто избила ваша пьяная солдатня. А сейчас ты – военнопленный и мой личный враг, предатель. Иудин грех.

АНДРЕЙ. Кого же, позволь узнать, я предал? Царя-батюшку? А где он? Гражданина Керенского? А этот где?

ГЛЕБ. Ты Россию предал, Андрей, бесам её отдал.

АНДРЕЙ. Ох, как красиво! Особенно про бесов. Брось... Поповские сказки! Я и раньше во всю эту мифологию не слишком-то верил, а теперь – тем более!

(Со стороны села раздаётся конский топот, все прислушиваются и вглядываются.)

Рано ты, Глеб, меня в военнопленные записал, может ещё, я сам тебя в полон возьму.

1-й ДРОЗДОВЕЦ (Глебу). Господин ротмистр, уходим?

ИГНАТ. Погоди ишиш, молодой. По звуку их не так-то чтоб и много. Погоди...

Из села появляется небольшой конный отряд.

2-й ДРОЗДОВЕЦ. *Смотрите – малиновые фуражки, это же наши!*

1-й ДРОЗДОВЕЦ. *Наши, дроздовцы!*

ГЛЕБ (всматривается в недоумении). *А почему из села?.. Там же, вроде бы, красные...*

ИГНАТ (неуверенно). *Может, обошли как...*

Отряд приближается. Впереди скачет кавалерист с погонами капитана, это – МАКАРОВ, бывший адъютант генерала Май-Маевского и агент Астронома.

МАКАРОВ (размахивая фуражкой с малиновой тульёй). *Свои! Свои!*

#### СЦЕНА 4. КАБИНЕТ ЛЕНИНА.

ЛЕНИН, КРАСИКОВ и АСТРОНОМ продолжают беседу.



ЛЕНИН. *Итак, Товарищ Красиков, надо не почивать на лаврах, а двигаться дальше по пути борьбы с черносотенным духовенством.*

КРАСИКОВ. *Клика Патриарха Тихона будет уничтожена!*

АСТРОНОМ (поднимается из кресла и начинает расхаживать по кабинету, заложив руки за спину). *Это всё – лишь красивые лозунги. На самом деле, «могучая эпопея», как вы выразились, Владимир Ильич, не принесла ожидаемых результатов. Мы вскрываем мощи – они молятся на вскрытых. Мы говорим, что там куклы – они лбы себе расшибают возле этих кукол...*

КРАСИКОВ. *Ничего подобного! Читайте отчёты наших комиссий!*

АСТРОНОМ. *Я читаю отчёты только одной комиссии – Чрезвычайной.*

ЛЕНИН. *А что же вы предлагаете, товарищ Млечин?*

АСТРОНОМ. *Я предлагаю сделать ставку на прогрессивное, лояльное к советской власти духовенство.*

КРАСИКОВ. *Никакое духовенство не может быть прогрессивным!*

АСТРОНОМ (не обращая внимания на реплику). *Это течение наметилось среди низшего молодого духовенства довольно ясно.*

КРАСИКОВ. *Православная церковь должна кануть в небытие!*

ЛЕНИН. *И я что-то не пойму... Уж от вас-то, товарищ Млечин, никак не ожидал услышать предложения заигрывать с поповщиной. Этих насекомых нужно вовсе изживать. Со временем, конечно.*

АСТРОНОМ. *Я и предлагаю совершенно реальный план изживания. Мы должны опираться на прогрессивное духовенство, через него воздействовать на поповскую массу, и путем долгой, напряженной, кропотливой работы разложить изнутри и разрушить церковь до конца.*

КРАСИКОВ. *Не вижу в этом плане ничего хорошего: соглашательство с церковниками. Люди подумают, что советская власть пошла на мировую с попами.*

ЛЕНИН. *А почему ваши два пути противоречат друг другу? Вовсе нет.*

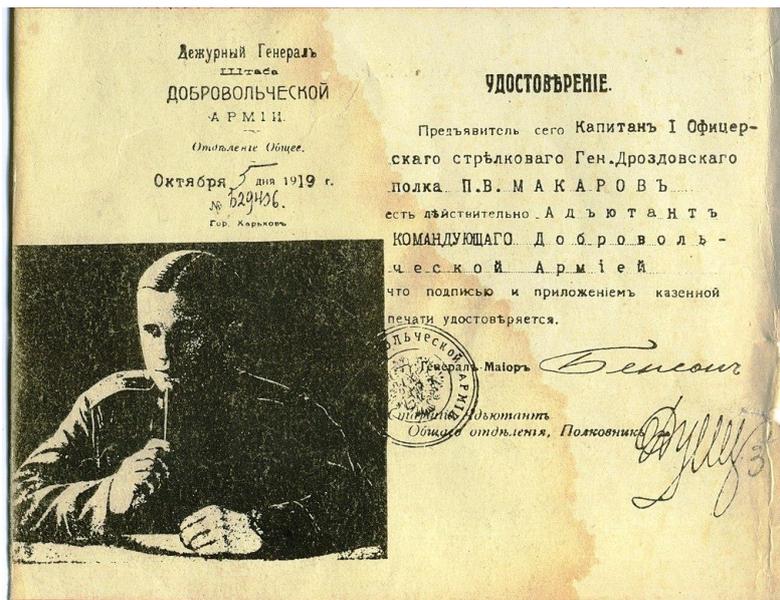
(Вскакивает и начинает быстро ходить по кабинету.)

*Пусть товарищ Красиков жмёт попов суровой рукой закона, а ВЧК поручим громить их тылы. Так и будем брать с двух концов. Архивеликолепно!*

Камера показывает змеиную улыбку Астронома.

## СЦЕНА 5. СЕВЕРНАЯ ТАВРИЯ.

МАКАРОВ и его СОЛДАТЫ спешиваются.



МАКАРОВ (подходя к Глебу и отдавая честь). *Капитан Макаров. Здравия желаю.*

ГЛЕБ (козыряя). *Командир отряда конных разведчиков ротмистр Архангельский.*

МАКАРОВ. *Большевиков захватили?*

ГЛЕБ. *Так точно, один из них – красный командир.*

МАКАРОВ. *Вот, и ладно. Мы как раз направляемся в Новогуполовку. Заодно отконвоируем их, а вы продолжайте свою разведку.*

ГЛЕБ. *Прошу прощения, капитан, но мы сами справимся.*

Солдаты отряда Макарова незаметно окружают дроздовцев.

МАКАРОВ. *Ну, сами – так сами. Своя рука – владыка.*

ГЛЕБ (обращает внимание на передвижение солдат Макарова). *А вы, капитан, в каком полку нашей дивизии служите? Что-то я ничего не пойму...*

ИГНАТ (кричит). *Брешут они всё, Глеб Петрович! Нету у нас таких! Это – не наши!*

(Дроздовцам.)

*Ребята, круши...*

На его слова это никто не успевает отреагировать: солдат Макарова сзади бьет Игната по голове, тот падает лицом в землю. Макаровцы, окружившие дроздовцев, стреляют и рубят их. Глеб выхватывает браунинг, но Макаров, опережая его, стреляет из нагана. Глеб несколько секунд стоит, потом медленно оседает. Макаров подходит к АНДРЕЮ КОВАЛЕНКО и красноармейцу, перерезает шашкой верёвки, которыми они были связаны.

МАКАРОВ. *Вы свободны, товарищи! Сейчас машину вашу чинить будем.*

(Отдаёт честь Коваленке.)

*Командир 3-го Советского полка красно-зелёных партизан Павел Макаров. Привет вам, Леонид Васильевич, от товарища Млечина.*

Коваленко отталкивает Макарова и подбегает к Глебу, лежащему на сухой траве с открытыми глазами. Камера показывает узенькую дорожку неподалёку, по которой взад и вперед бегают муравьи; на траве сидит маленький зеленый кузнечик. Неожиданно кузнечик начинает стрекотать. Коваленко склоняется над Глебом.

ГЛЕБ. *Иудин грех... Талочке... скажи... Про супницу, скажи...*



Револьвер Нагана образца 1895-го года.

### СЦЕНА 6. МОСКВА. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА.

Около трёх лет назад – 26-е октября 1917-го года.

*Воспроизводится фрагмент 27-й сцены 1-й серии:*

ГЛЕБ и ТАЛОЧКА идут по Немецкой улице, останавливаются и заглядывают в одно из окон: оттуда льется розоватый теплый свет, над овальным столом низко висит лампа на бронзовых цепях под стеклянным абажуром. Из пузатой фарфоровой супницы мать семейства разливает суп.

ГЛЕБ. *Странно...*

ТАЛОЧКА. *Что странно?*

ГЛЕБ. *Странно то, что сегодня я счастлив. Счастлив, наперекор всему, что сейчас происходит вокруг. И знаю точно: эту супницу и этот свет из под матового колпака, и это окно я буду помнить всю жизнь... Сколько уж мне осталось жить...*

### СЦЕНА 7. КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ, СЕЛО БЕЛКИНО.

С последних событий прошло около двух месяцев – октябрь 1920-го года.

По лужам сельской улицы идёт ИГНАТ. На нём шинель, будёновка с поднятыми ушами, с красной звездой, из-под будёновки виднеется грязный бинт. За плечами вещевой мешок и винтовка. К нему подбегает МАЛЬЧИК лет десяти в пальтишке и картузе; начинает шагать рядом, рассматривая Игната. За ними бежит большая лохматая собака.



И.И. Левитан. Деревня Белкино.

МАЛЬЧИК. Дядя солдат, а тебя как звать?

ИГНАТ. Игнатов крестили, значит, дядя Игнат тебе буду.

МАЛЬЧИК. А меня Глебом крестили. Самсонов я, Глеб.

ИГНАТ (останавливаясь). Как говоришь?

МАЛЬЧИК. Глеб. У нас полсела Борисы да Глебы. Церква тута Бориса и Глеба.

ИГНАТ. Ишь ты... Глеб...

(Достаёт из кармана тряпочку, разворачивает и протягивает мальчику кусок сахара.)

На, вот, паря, поешь.

Мальчик берёт сахар, с удовольствием сосёт; они идут дальше.

МАЛЬЧИК. А ты куда идёшь?

ИГНАТ. К церкви.

МАЛЬЧИК. Дядя Игнат, а ты красный?

ИГНАТ. Зачем – красный?

(Протягивает ладонь, вертит ей.)

Вишь, белая...

МАЛЬЧИК. А в таких шапках, как у тебя, только красные ходют.

ИГНАТ. Это – да... Шапка-то, что? Её, шапку-то, скинуть можно. А вот кожу не скинешь.

МАЛЬЧИК (подражая Игнату). Это – да... А я и то не пойму, чего он в церкву идёт? Красные в церкву не ходют.

ИГНАТ. Ишь ты... Смышлёный.

МАЛЬЧИК (указывая вперёд). Да вон она, наша церква.

ИГНАТ. Коли так, беги домой. Теперь уж сам дойду.

(Кладёт руку на плечо мальчика.)

Может, свидимся ишшо... Глеб...

Мальчик убегает, Игнат идёт к храму.

## СЦЕНА 8. КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ, СЕЛО БЕЛКИНО.

### ДОМ СВЯЩЕННИКА. Тот же день.

Трапезная в доме священника. За столом сидят ОТЕЦ ПЁТР, ИГНАТ, АННА. Вокруг хлопочет АГАФЬЯ – ставит на стол миски с картошкой, квашеной капустой, огурцами.

АГАФЬЯ (Игнату). *На, вот, герой, поешь с дороги. Мы-то уж оттрапезничали.*

ИГНАТ. *Мне бы попить чего, Агафья Лукинишина...*

АГАФЬЯ. *Попить ему!*

(Иронически.)

*Щас кваску принесу.*

ИГНАТ. *Сама рассказываешь – герой. А героев нешто кваском пьют? Чего б покрепче...*

АГАФЬЯ. *А покрепче – это, как батюшка благословит.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Налей, налей ему, Агафьюшка, да и мне стопочку принеси.*

Агафья выходит.

АННА. *Ну, рассказывайте, Игнат. Дальше-то что было?*

ИГНАТ. *А чаво рассказывать? Нечаво рассказывать... Эти иудины дети меня сразу по голове хватили, все мóзги отшибли, свет белый померк.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Игнат, скажи прямо: Глеб жив?*

ИГНАТ. *Не знаю, отец Пётр, вот те крест, не знаю!*

Входит Агафья с подносом. Ставит рюмку перед отцом Петром и стакан перед Игнатом.

ОТЕЦ ПЁТР. *А себе, Агафьюшка?*

АГАФЬЯ (отрицательно машет рукой). *Не знамо, за что пить: за здравие али за упокой.*

ОТЕЦ ПЁТР (благословляет трапезу и поднимает рюмку). *Будем надеяться и Бога молить!*

Мужчины выпивают и закусывают.

ИГНАТ

*Вот оно, какое дело... Очухался я только в селе, у красных. Допрашивал меня шурин ваш... Коваленка... Он-то, видать, меня и от смерти лютой спас. Наших-то из дозора никого впредь не встречал, должно, всех порубили иудины дети...*

АННА. *Значит, и Глеба...*

ИГНАТ. *Ежели живой был, то Коваленка его б в обиду не дал... Коли уж мне помог... Пытал его, Коваленку, – не рассказывает, молчит.*

АГАФЬЯ (подсаживается за стол и обращается к Игнату, изображая руками будёновку). *А ты что же это, как шут гороховый вырядился? Не стыдно?*

ИГНАТ. *Мобилизовали меня, Агафья Лукинишина, в Красную армию, к товарищу Будённому, чтоб ему ни дна не покрывши. Только я сразу дёру дал...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Так тебя спрятать надо, Игнатушка. Они сейчас дезертиров везде ищут.*

ИГНАТ. *Ни в коем разе. Всё по закону. Раненым сказался, мол, всей головы у меня трясение. В госпиталь отправили как красного бойца. Опосля отпуск по болезни выписали...*

АННА. *Тёнька выписала?*

ИГНАТ. *Как можно, барышня, Анна Петровна!*

(Смотрит на Агафью и подкручивает усы.)

*Я теперь мужчина женатый.*

АГАФЬЯ. *Ты, женатый, ружжо зачем притащил сюда?*

ИГНАТ. *Это я в поезде у красных подобрал. Перепились они... Оружие, оно завсегда в хозяйстве пригодится. Да и вид военный делает. Погощу у вас денёк-другой, и к нашим стану пробираться.*

АГАФЬЯ. *Куда ты попрёшься, воин! Говорят, красные всех вас уж поразбивали.*

ИГНАТ. *Повоюем, ишию, Агафья Лукинишна. Мы – народ служивый... Присягу давали.*

АГАФЬЯ. *Где она теперь, твоя присяга?*

ИГНАТ. *Знамо, где... Ещё и Наталью Васильну отыщу, а, может, и Глеб Петровича.*

*Вот так-то...*

Раздаётся стук в дверь и вбегает ГЛЕБ САМСОНОВ.

ГЛЕБ САМСОНОВ (задыхаясь). *Отец Пётр! Дядя Игнат! Там чеки на машинах приехали! Много! К вам идут!*

### СЦЕНА 9. ЯЛТА. БАЗАР.

С последних событий прошло около месяца – начало ноября 1920-го года.



Базар в Ялте.

Ялта занята Красной армией. Сквозь пёструю базарную толпу пробивается ТАЛОЧКА в простом пальтишке и платке. К груди она прижимает ведёрко с картошкой. Около пустого крытого прилавка ТРОЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ распивают самогонку. Двое из них, обнявшись, поют пьяными голосами.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ:

*Бродяга к Байкалу подходит,  
Рыбацкую лодку берёт  
И грустную песню заводит,  
Про Родину чтой-то поёт.<sup>1</sup>*

Третий красноармеец начинает вглядываться в приближающуюся к ним Талочку. Это – ГРЕНАДЕР, который пытался изнасиловать её три года назад в подъезде московского дома.

### СЦЕНА 10. МОСКВА. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА.

Три года назад – 26-е октября 1917-го года.

*Воспроизводится фрагмент 26-й сцены 1-й серии:*

В подъезде ГРЕНАДЕР приближается к ТАЛОЧКЕ.

<sup>1</sup> Народная песня «По диким степям Забайкалья...». Первоначально бытовала в тюремной среде.

ГРЕНАДЕР (хриплым голосом). *Чего глядишь, сука? Не видала такого? Заголяйся, блядина барская, подстилка офицерская! Теперя под меня подставишься!*

Гренадер, продвигаясь вперёд, стягивает с плеча винтовку.

### СЦЕНА 11. ЯЛТА. БАЗАР. Начало ноября 1920-го года.

ТАЛОЧКА идёт к выходу с базара. ГРЕНАДЕР выпивает полстакана, оставляет группу своих собутыльников и следует за Талочкой.

ГРЕНАДЕР. *Сестричка, слышь, сестричка!*

Талочка вздрагивает, останавливается, оборачивается. На её лице появляется гримаса ужаса.

ГРЕНАДЕР. *Узнала?*

(Талочка кивает.)

*Да ты не бойся, не бойся... Сестричка, сыми ты грех с души у меня, пса окаянного!*

(Подходит к Талочке, бухается перед ней на колени, говорит с пьяным надрывом.)

*Сколько годов прошло, а до сих пор помнится. Ажно во сне снится... Ты меня в госпитале, может, от смерти спасла, брюхо моё сколько пеленала. А я – паскудничать... Прости, сестричка, сыми грех.*

ТАЛОЧКА (кладя руку ему на плечо). *Встаньте, ну, встаньте, я прощаю.*

ГРЕНАДЕР (поднимаясь). *Спаси тебя Господь, сестричка. В Бога веруешь?*

ТАЛОЧКА. *Верую, у меня и свёкор – священник.*

ГРЕНАДЕР. *Во! Скажи ему, чтоб помолился за раба Божиего Тимофея. Страсть, сколько нагрешил я, страсть...*

ТАЛОЧКА. *Скажу, когда увижу... если увижу. Ну, до свидания, Тимофей. Пойду я.*

ГРЕНАДЕР. *Нет, погоди. Я для тебя теперя, чего хошь сделаю.*

(Бьёт себя в грудь.)

*Скажи!*

ТАЛОЧКА. *Спасибо, мне ничего не нужно.*

ГРЕНАДЕР. *Нет, ты скажи! Еды добуду, чего хошь добуду!*

ТАЛОЧКА. *Не надо.*

(Показывает ведёрко)

*Видите, вот картошки выменяла.*

ГРЕНАДЕР. *Выходит – не простила! Не скажешь – выходит, не простила!*

ТАЛОЧКА. *Да простила я.*

ГРЕНАДЕР. *Тогда – скажи, чего сделать!*

ТАЛОЧКА. *Ну не знаю... Выбраться бы мне отсюда надо... Я в госпитале служила, а из наших сестёр уже пятерых разстреляли как «контрреволюционный элемент»... Завтра идти на регистрацию... Боюсь... Сын маленький...*

ГРЕНАДЕР. *Выбраться? Это можно, это мы в полном порядке устроим. Я здесь по хозяйской части, так что завтра мы в Новороссийск отплываем.*

ТАЛОЧКА. *Я не одна, ещё сын и... мать.*

ГРЕНАДЕР. *Не беспокойся, сестричка, всех доставим в лучшем виде. Пойдём, я тебя провожу, дом покажешь, а завтра подъеду и вещички помогу погрузить.*

Тимофей берёт у Талочки ведёрко, они идут вниз по улице.

**СЦЕНА 12. ПЕТРОГРАД. ПРОСПЕКТ ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО.  
«ДОМ ПОЭТОВ».**

**С последних событий прошло около 9-ти месяцев – конец июля 1921-го года.**



**Петроград. Дожодный дом Мурузи на проспект имени Володарского (Литейном), там в 1921-м году размещался «Дом поэтов».**

Зал «Дома поэтов» забит разного рода публикой, люди толпятся и в дверях. На сцене идёт любительский спектакль «Взятие Фиуме», поставленный НИКОЛАЕМ ГУМИЛЁВЫМ и посвященный занятию в 1919-м году адриатического города Риека (Фиуме) отрядами (ардити) итальянского поэта Габриеле д'Аннунцио. Его роль играет сам Гумилёв (одет в чёрную офицерскую форму, приклеены закрученные вверх усы). В представлении участвуют ЛИДИЯ ДЖЕКСОН и артисты её труппы. В двери протискивается СОКОЛОВ, обращается к стоящей рядом БАРЫШНЕ.

СОКОЛОВ (шёпотом). *Барышня, простите великодушно, что это за представление?*

БАРЫШНЯ (шёпотом). *Как! Вы не знаете?! О том как Габриеле д'Аннунцио взял город Фиуме. Сам Гумилёв поставил.*

*(Указывает на сцену.)*

*Вон он в роли д'Аннунцио.*

На сцене падает последний защитник Фиуме, в ворота врываются ардити. Во главе их идёт д'Аннунцио. В руке у него чёрный флаг с белой надписью «Quis contra nos». За ним 1-й ардито несёт древко, на котором закреплён орёл с широко распростёртыми крыльями; в руках у 2-го ардито фасция – знак власти римских консулов.

Д'АННУНЦИО. *Здесь останемся мы, самые лучшие! Фиуме сегодня – символ свободы в этом недобром, глупом и трусливом мире!*

АРДИТИ. *Виват, команданте!*

Д'АННУНЦИО. *Виват, Республике Красоты! Населите небо вашими подвигами!*

АРДИТИ. *Виват, д'Аннунцио!*

Д'АННУНЦИО:

*И, конь, встающий на дыбы,  
Народ поверил в правду света,  
Вручая страшные судьбы  
Рукам изнеженным поэта.<sup>2</sup>*

<sup>2</sup> Н.С. Гумилёв «Ода д'Аннунцио».

Д' Аннунцио величественно садится в кресло. По бокам встают 1-й и 2-й ардито с орлом и фасцией. На сцену выбегает Лидия Джексон в тоге, с распущенными волосами, с лавровым венком в протянутой руке. Она играет роль богини победы Виктории. Становится за спиной Д' Аннунцио, пытается торжественно возложить венок на его голову. Однако венок сразу соскальзывает со лба и смешно закрывает глаза, нос. Возникает заминка.

ВИКТОРИЯ (в некоторой растерянности). *Виват, команданте!*

Д' Аннунцио, сохраняя невозмутимое спокойствие, поднимает одной рукой сползший венок над головой, встаёт с кресла и обращается к залу.

Д'АННУНЦИО (с трагикомическим пафосом, указывая широким жестом на себя и на Викторину):

*Вѣнчанный и развѣнчанный победой.  
Нет, не д' Аннунцио, а Гумилѣв!*

Зал взрывается хохотом и аплодисментами.

### СЦЕНА 13. ПЕТРОГРАД. КЛУБ ПОЭТОВ

В фойе из зала, переговариваясь, выходит публика. Неподалёку от дверей одиноко стоит СОКОЛОВ. Появляются ГУМИЛЁВ (уже без грима, с жёлтым портфелем в руке) и ЛИДИЯ (с дамской сумочкой). Лидия замечает Соколова и направляется к нему. Гумилёв идёт следом.

ЛИДИЯ. *Опять Бог нас с тобой сводит, красавец! С каких это пор шпионы стали интересоваться театром?*

СОКОЛОВ (с досадой). *Лидия!.. Не говори ерунды!..*

ГУМИЛЁВ (указывая на Соколова). *Это действительно шпион? Интересно знать, чей?*

ЛИДИЯ (со смехом). *Разумеется, наш, советский.*

ГУМИЛЁВ (протягивая руку). *Николай Гумилѣв, поэт.*

СОКОЛОВ (отвечая рукопожатием). *Константин Соколов, коммерсант.*

Лидия делает гримасу.

ГУМИЛЁВ. *Забавно, я никогда не встречался с настоящим шпионом... А вы знаете мои стихи?*

СОКОЛОВ:

*И святой Георгий тронул дважды  
Пулями нетронутую грудь...*

ГУМИЛЁВ. *Надо же! Я недавно написал про тех, кто читает мои стихи. Теперь обязательно включу туда вас – шпиона.*

ЛИДИЯ (Гумилёву). *Мы с этим красавцем всегда встречаемся вокруг поэтов. В прошлый раз был Хлебников, теперь – Гумилѣв.*

ГУМИЛЁВ. *Хлебников?.. Лет восемь-девять назад он приехал к нам в Царское: обругал мои стихи и попросил деньги взаймы. До сих пор не отдал... Как он?*

СОКОЛОВ. *Не знаю, мы виделись с ним в начале 19-го в Харькове. Читал страшные стихи: «из всех яблок он любит только глазные».*

ГУМИЛЁВ. *Это он так шутит. Хлебников – гений. Почти, как я. Но его шутки производят впечатление не смеха, а конвульсий... Впрочем, господа, пойдѣмте-ка в наш буфет. Там удивительные пирожные – нэповские, как сейчас говорят.*

### СЦЕНА 14. ПЕТРОГРАД. БУФЕТ ДОМА ПОЭТОВ.

В буфете за столиком, на котором стоят стаканы с чаем и блюдо с пирожными, сидят ГУМИЛЁВ, ЛИДИЯ, СОКОЛОВ.



Николай Степанович ГУМИЛЁВ (1886–1921) .  
Фотография 1921-го года.

ГУМИЛЁВ (Соколову). *Вот как! Мы с вами оба гусары! И у обоих по два Георгия! И у обоих «пулею нетронутая грудь»!*

СОКОЛОВ. *Да, да... Однако это всё – в прошлом... А в настоящем...*  
(Вынимает часы.)

*Простите, господа. Очень рад встрече и знакомству, но мне необходимо идти.*

ЛИДИЯ. *Как? Я тебя не отпущу! Мне очень надо с тобой поговорить! Об очень важном!*

СОКОЛОВ. *Извини, Лидия, но мои дела отложить никак нельзя!*

ЛИДИЯ. *Коварный красавец! Привязал к себе женщину, а теперь бежит от неё.*

ГУМИЛЁВ (с наигранным пафосом). *Я ревную! Я застрелю этого гусара! Вызову на дуэль!*

СОКОЛОВ (с улыбкой, слегка наклоняя голову). *Всегда готов.*

ЛИДИЯ. *Перестаньте дурачиться.*  
(Соколову.)

*Тогда пообещай, что непременно сегодня же вечером заглянешь ко мне. Обязательно-обязательно! Я остановилась в гостинице «Англетер».*

ГУМИЛЁВ. *Теперь она «Ин-тер-на-цио-наль» прозывается.*

ЛИДИЯ. *Неважно.*

(Соколову.)

*Когда ты освободишься?*

СОКОЛОВ. *Думаю, часам к девяти.*

ЛИДИЯ. *В девять жду тебя в холле, и не опаздывать!*

СОКОЛОВ. *Хорошо, буду.*

(Целует её руку и обращается к Гумилёву.)

*Николай, вы курите?*

(Гумилёв кивает.)

*Не могли бы угостить меня папиросой? Свои забыл взять.*

ГУМИЛЁВ (доставая черепаховый портсигар). *С удовольствием... Впрочем... Я сам бы с вами вышел покурить... Лидия, вы подождёте меня?*

ЛИДИЯ. *Конечно, дорогой поэт, у меня ещё пирожные остались.*

Мужчины выходят. Лидия откусывает пирожное, запивает чаем, осторожно оглядывается по сторонам. Потом берёт портфель, оставленный Гумилёвым, кладёт на колени, открывает и начинает быстро просматривать бумаги. Вынимает книгу (видно, что это «Божественная комедия» Данте), переворачивает и встряхивает её. Оттуда на стол выпадает листовка, отпечатанная на гектографе и исправленная от руки. Лидия читает. Виден крупный заголовок: «ТЕМ, КТО МЕЧТАЕТ О СВЕТЛОЙ РОССИИ, КТО НЕНАВИДИТ КРОВАВЫЙ ТЕРРОР». Лидия быстро прячет листок в сумочку, книгу возвращает в портфель, закрывает его, ставит на стул. Подходит к буфетной стойке и звонит по телефону.

### **СЦЕНА 15. ПЕТРОГРАД, ПРОСПЕКТ ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО**

Из Клуба Поэтов выходят ГУМИЛЁВ и СОКОЛОВ. Гумилёв открывает портсигар и протягивает Соколову, показывая белую руку с длинными тонкими пальцами.

ГУМИЛЁВ. *Извольте.*

Соколов отвечает поклоном, достаёт из кармана пачку папирос «Норд» и закуривает. Гумилёв удивлённо поднимает брови.

СОКОЛОВ (улыбаясь). *Лидия аттестовала меня как шпиона... Она близка к истине. Я ведь здесь вас, Николай, дождался.*

ГУМИЛЁВ. *Меня? Зачем?*

СОКОЛОВ (не отвечая на вопрос). *А тут совершенно некстати случилась Лидия. Вот я ничего лучше и не придумал, как попросить у вас папиросу, надеясь, что вы тоже выйдете, и мы сможем поговорить наедине.*

ГУМИЛЁВ (закуривая). *О чём же, разрешите узнать?*

СОКОЛОВ (доставая из нагрудного кармана почтовую карточку и протягивая её Гумилёву). *Я к вам от Голубя.*

Гумилёв вертит в руках карточку: на лицевой её стороне – фотография Нотр-Дама, сторона открытого письма пуста.

ГУМИЛЁВ. *Да... Всё так... Рад, что Голубь не попался в силки и всё ещё летает...*

СОКОЛОВ. *Летает... Он хотел справиться, не пострадали ли из-за нынешних арестов люди вашей пятерки? И какова ваша сегодняшняя позиция по нашему делу?*

ГУМИЛЁВ. *У меня-то ничего не изменилось. Мои-то люди все на свободе ... Да вот Таганцев арестован...*

СОКОЛОВ. *Что подделаешь... Но для нас это не так страшно. Он – не ключевая фигура... Сейчас намечается очень серьёзное дело. О нём-то я и хотел переговорить с вами.*

ГУМИЛЁВ. *Извольте, Константин, слушаю вас.*

СОКОЛОВ. *Заранее должен предупредить, что речь идёт о деле чрезвычайно опасном. Пока ещё вы можете отказаться.*

ГУМИЛЁВ. *Не пугайте меня, господин подполковник. Обратного пути нет. Я должен исполнить свой долг.*

(Смеётся.)

*Кроме того я получил знак, что мне суждено жить очень долго, по крайней мере, до девяноста лет.*

СОКОЛОВ. *Я вам завидую, Николай... А у меня жизнь кончилась два года назад...*

*Началось спасение.*

ГУМИЛЁВ. *Как сказано!*

(С ухмылкой.)

*Не пойму: кто из нас – поэт?*

Гумилёв и Соколов медленно идут по проспекту.

**СЦЕНА 16. ПЕТРОГРАД. ИСААКИЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ. Вечер того же дня.**

Вечер. По Исаакиевской площади со стороны собора идёт СОКОЛОВ (в костюме, через руку перекинут плащ). Около гостиницы «Интернационал» в отдалении друг от друга стоят два чёрных лимузина. При приближении Соколова из первой машины выходят ДВА ЧЕКИСТА в кожаных куртках.



Петроград. Гостиница «Англетер» (в 1919–1925 гг. – «Интернационал»).

1-й ЧЕКИСТ. *Товарищ, предъявите документы.*

СОКОЛОВ. *Документы? Пожалуйста.*

(Охлопывает себя по карманам и в это время видит, что из дальней машины тоже выходят люди в кожанках.)

*Надо ж такому случиться – дома забыл, из другого костюма не переложил. Но документы у меня, товарищи, в полном порядке.*

2-й ЧЕКИСТ. *Тогда пойдёмте с нами. Нечего много костюмов иметь.*

СОКОЛОВ. *Ну, с вами, так с вами...*

Соколов в окружении двух чекистов направляется к автомобилю. 1-й чекист открывает заднюю дверцу, садится в машину; 2-й сзади подталкивает Соколова. Тот резко бьёт локтём в челюсть 2-го, чекист вскрикивает и падает. Соколов бросается бежать.

1-й ЧЕКИСТ (впрыгивая из автомобиля и выхватывая наган). *Стой, падла, застрелю!*

Все чекисты из обеих машин начинают погоню и стрельбу. Соколов оборачивается и несколько раз стреляет из револьвера – один из чекистов падает. Соколов сворачивает на

улицу Гоголя. Погоня продолжается. Из дверей «Интернационала» выходит АСТРОНОМ под руку с ЛИДИЕЙ; они медленно направляются в сторону улицы Гоголя.

АСТРОНОМ (продолжая разговор). *О чём это я говорил? Ты, Лидия, своим очарованием всегда сбиваешь меня с мысли... Да, я говорил, что семьдесят процентов петроградской интеллигенции одной ногой находятся в стане нашего врага, и мы должны эту ногу ожечь.*

ЛИДИЯ. *А вторую отрубить?*

(Смеётся, потом спрашивает после паузы.)

*Скажи, что там со вторым моим обожателем, с поэтом?*

АСТРОНОМ. *Листовка, которую ты нашла, решила дело. А пока пускай несколько деньков погуляет, пока мы ещё матерьялец накопим.*

Из-за угла вываливают чекисты, которые тащат окровавленного, не наступающего на одну ногу, СОКОЛОВА. Он поднимает голову, с презрением смотрит на Астронома и Лидию. Астроном приподнимает шляпу, Лидия посылает воздушный поцелуй. Чекисты ведут Соколова к машине.

ЛИДИЯ (Астроному). *Ну, что, Млечин, ко мне нет претензий?*

АСТРОНОМ. *Какие уж тут претензии... Ювелирная работа!*

(Целует ей руку.)

*Ты – золото, и будёшь в золоте!*

Лидия смотрит вслед Соколову, на лице появляется злобная гримаса, губы слегка приоткрыты и виден оскал.

ЛИДИЯ. *Красавец!*

### СЦЕНА 17. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СЕНАТСКИЙ ДВОРЕЦ. КАБИНЕТ ЛЕНИНА. Август 1921-го года.

ЛЕНИН сидит за письменным столом, опершись на него локтями, и разговаривает по телефону.



*Гумилев Ник. Степанович*

Фотографии Гумилёва из следственного дела ЧК.

ЛЕНИН. Товарищ Луначарский, я устал тысячу и тысячу раз повторять вам одно и то же.

(Пауза.)

Я в курсе этого дела, лично наблюдал за его развитием.

(Пауза.)

Вы не первый проситель: тут и за Таганцева просили, и за чёрта-дьявола...

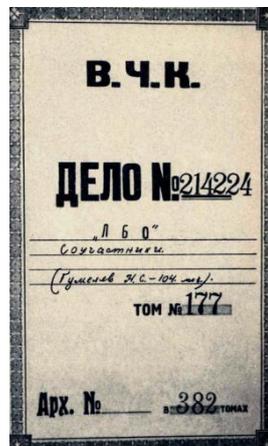
(Пауза.)

Ну, и что из того, что этот ваш Гумилёв – талантливый поэт?

(Пауза.)

Дзержинский по этому поводу замечательно выразился: «Мы не можем, разстреливая других, делать исключение для поэтов». А я ещё и добавлю: мы не можем целовать руку, поднятую против нас. Позорно колебаться в этом вопросе и не разстреливать наших врагов. Всё.

Ленин в раздражении бросает трубку.



Выписка из протокола заседания Президиума Петрогуб. Ч.К. от 24.08.21 года: «Гумилев Николай Степанович, 35 лет, б. дворянин, филолог, член коллегии издательства "Всемирная литература", женат, беспартийный, б. офицер, участник Петроградской боевой контрреволюционной организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, кадровых офицеров, которые активно примут участие в восстании, получил от организации деньги на технические надобности. Верно: (подпись отсутствует). Приговорить к высшей мере наказания – расстрелу».

## СЦЕНА 18. ПОЛЯНА БЛИЗ СТАНЦИИ БЕРНГАРДОВКА ПОД ПЕТРОГРАДОМ.

13-е августа 1921-го года.

Край Ржевского полигона близ станции Бернгардовка: перелесок, поляна на откосе, за которым видны речка и мостик. Едва разсвetaет. Туман. Камера показывает две сосны: одна – кривая и маленькая, другая – большая, завалившаяся, с торчащими вверх вывороченными корнями. Около большой выкопаны два рва. Рядом стоит несколько десятков человек (около четверти – женщины) приговорённых к расстрелу (одеты кто во что). Среди них ГУМИЛЁВ и СОКОЛОВ, оба курят. Поляну окружает цепь солдат в шинелях и с винтовками. Подъезжает автомобиль. Из него выходит МАРК ЛЕВИЦКИЙ, идёт к приговорённым. Открывается задняя дверь автомобиля, через неё видно лицо АСТРОНОМА, он внимательно всматривается. Левицкий подходит к приговорённым.

ЛЕВИЦКИЙ. Кто здесь поэт Гумилёв?

ГУМИЛЁВ (отвечает после некоторой паузы, куря и не выходя из группы). Здесь нет поэта, здесь есть офицер Гумилёв, у которого лишь одна просьба: дать ему спокойно докурить папиросу.

Левицкий пожимает плечами, направляется обратно к автомобилю. Астроном выходит из машины и стоит, засунув руки в карманы галифе. В это время тихо звучат стихи:

*Упаду, смертельно затоскую,  
Прошлое увижу наяву,  
Кровь ключом захлещет на сухую,  
Пыльную и мятую траву.  
И Господь воздаст мне полной мерой  
За недолгий мой и горький век...<sup>3</sup>*

Левицкий подходит к Астроному, что-то тихо говорит ему, тот криво усмехается.

На другом конце поляны у маленькой кривой сосны вдруг вырисовывается фигура СРЕБРОБОРОДОГО МОНАХА. Она полупрозрачна. Монах осеняет приговорённых крестным знаменем.

Соколов бросает на землю докуренную папиросу, тушит её носком туфли и обращается к стоящему рядом человеку во флотском кителе. Это – контр-адмирал ЗАРУБАЕВ.



**Контр-адмирал Сергей Валериянович ЗАРУБАЕВ (1877–1921) .**

В 1901–1904 гг. – старший артиллерист на крейсере «Варяг».

Разстрелян по делу Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева.

СОКОЛОВ. *Ваше превосходительство вы ведь, насколько я знаю, на легендарном «Варяге» служили?*

ЗАРУБАЕВ. *Да, ещё лейтенантом... Странно, что вы спросили... Мне сию минуту тоже «Варяг» почему-то вспомнился...*

СОКОЛОВ. *Так что же вы молчите, Сергей Валерианович! Запевайте «Варяга»!*

ЗАРУБАЕВ (кладёт руки на плечи стоящим рядом, откашливается и запекает):

*Наверх вы, товарищи, все по местам,  
Последний парад наступает,  
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,  
Пощады никто не желает.*

Хор мужских и женских голосов подхватывает:

<sup>3</sup> Н.С. Гумилёв «Рабочий».

*Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,  
Пощадь никто не желает.*

Сквозь пение слышатся выстрелы. Песня обрывается. Всё скрывается в тумане. Прорисовывается только кривая маленькая сосна, и около неё фигура благословляющего Сребробородого монаха. Сначала тихо, потом всё громче и громче звучит мелодия (без слов) «Интернационала». В конце она оглушительна.



Бернгардовка (долина реки Лубьи).  
Крест-кенотаф в вероятном месте расстрела Н.С. Гумилёва.

## ЭПИЛОГ

### **СЦЕНА 1. КИРОВОГРАД, УЛИЦА КАРЛА МАРКСА. РЕЗИДЕНЦИЯ НЕСТОРА, МИТРОПОЛИТА КИРОВОГРАДСКОГО И НИКОЛАЕВСКОГО. Лето 1961-го года.**

В ограду собора во имя Рождества Пресвятой Богородицы входят двадцатилетний юноша ВИКТОР АРХАНГЕЛЬСКИЙ (внук Глеба и Талочки) и пятидесятилетний майор Советской армии (в парадной форме, вся грудь в орденах) ГЛЕБ САМСОНОВ (мальчиком он сопровождал Игната в селе Белкине). Они проходят к резиденции правящего архиерея, звонят в дверь. Открывший дверь келейник проводит их в дом. Поднимаются по лестнице. Навстречу выходит МИТРОПОЛИТ НЕСТОР (за восемьдесят лет, в скуфейке, подряснике с наперсным крестом на Георгиевской ленте).

**МИТРОПОЛИТ НЕСТОР.** *Ну, здравствуй, здравствуй, Виктор Архангельский!  
Наконец-то я тебя разыскал!*

*(Заключает Виктора в объятия, потом несколько отстраняет от себя).*

*Дай-ка я посмотрю на внука Глеба и Наталии. Похож на деда, похож...*

*(Оглядывается на Самсонова.)*

*А это что за воин с тобой?*

**САМСОНОВ.** *Майор Глеб Самсонов.*

**МИТРОПОЛИТ НЕСТОР.** *Ещё один Глеб!*

ВИКТОР. *Глеб Ильич родом из той деревни, где служил мой прадед, видел, как его арестовали. Вот я и подумал, что вам с ним интересно будет поговорить...*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Конечно, конечно, молодцы, что приехали. Что ж это мы стоим на лестнице. Идёмте, посидим, поговорим, почаёвничаем. Голодные?*

Митрополит проводит Виктора и Самсонова в комнату.



Кировоград.

Кафедральный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

## СЦЕНА 2. КИРОВОГРАД. РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА.

На столе в трапезной стоит самовар, стаканы, тарелочки с печеньем, баранками, пряниками, конфетами. За столом в кресле сидит МИТРОПОЛИТ НЕСТОР, напротив него на стульях ВИКТОР АРХАНГЕЛЬСКИЙ и ГЛЕБ САМСОНОВ.

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР (Самсонову). *А не боишься ты, воин, вот так, со всеми регалиями ко мне, к попу, приходить? Ведь, небось, коммунист?*

САМСОНОВ. *Мне, батюшка...*

Виктор, толкает его в бок и шепчет: «Владыка».

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР (улыбается). *Да, как оказалось, так и сказал.*

САМСОНОВ. *А насчёт боязни... Мне, владыка, в Сталинграде немец всю мою боялку отстрелил... А про коммуниста? Вступил я в войну в партию, да.*

(Указывает на орден Красной Звезды.)

*И звезда на мне красная... Но дядя Игнат говорил...*

(Показывает руки.)

*Руки, они, всё одно – белые.*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *А ты, воин, Игнатушку нашего знал?*

САМСОНОВ (с интонацией Игната). *Само собой... Мальцом ещё совсем был... Сахару он мне дал... Несколько минут мы с дядей Игнатом и поговорили... А, вот, почему-то в душу запало... На всю жизнь... И как убили его видал... И как батюшку забрали...*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Разсказывай, воин, рассказывай...*

САМСОНОВ. *Я предупредил тогда их, что чекисты едут... Только, что предупредить... Разве от них спрячешься...*



**НЕСТОР,**  
митрополит Кировоградский и Николаевский.

### **СЦЕНА 3. КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ, СЕЛО БЕЛКИНО.**

**Более сорока лет назад – октябрь 1920-го года.**

Из дома священника выбегает мальчик ГЛЕБ САМСОНОВ. В это время подъезжают две машины, из них выходят чекисты во главе с ВОЛКОВЫМ. Глеб прячется за деревом и видит всё, что происходит.

Чекисты направляются к храму. На дверях висит большой замок, один из чекистов пытается сбить его прикладом, у него ничего не выходит. Появляется АГАФЬЯ (в телогрейке), подбегает к храмовой двери, закрывает её собой, разведя руки в стороны. Видно, что она кричит, бранится. Из дома выходят АННА (в пальто и платке), ИГНАТ (в красноармейской шинели). Чекист, стоящий у входа в храм, наставляет на Агафью винтовку, другой с силой отталкивает женщину в сторону. Та падает, ударяется головой о порог, по лицу течёт кровь. Игнат убегает обратно в дом.

Камера поднимается вверх и показывает колокольню: там ОТЕЦ ПЁТР несколько раз ударяет в колокол. Потом удары становятся всё чаще и переходят в набат. Это – единственный звук на протяжении всей сцены (речь персонажей обозначается только мимикой). Вокруг церкви начинают собираться местные жители, они что-то кричат в сторону чекистов.

Волков вынимает наган, показывает, чтобы все отошли в сторону, стреляет в замок, тот падает. Чекисты входят в храм. Несколько человек остаётся на улице. Камера показывает окаменевшую Анну, она закрыла лицо руками.

Из дома, размахивая винтовкой, выбегает Игнат. Чекисты бросаются к нему. Игнат стреляет в воздух. Из храма выбегает Волков, выхватывает маузер и несколько раз стреляет в Игната, тот сразу падает.

С колокольни выводят отца Петра, тащат к автомобилям, расталкивая собравшихся вокруг людей. С земли поднимают всё ещё лежащую там Агафью. Она видит тело Игната, вырывается из рук чекистов и бросается к нему. Агафью оттаскивают и тоже запикивают в автомобиль.

Из-за дерева смотрит на всё это, присевший на корточки, Глеб Самсонов.

**СЦЕНА 4. ХАРЬКОВ. РЕСТОРАН «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ». Апрель 1970-го года.**

В ресторане много народа. В углу за столиком сидят два старика в парадных костюмах, на которых висят ордена. Выпивают, закусывают. Один из них – СТЕПАН САЕНКО, убийца Варвары (ему за 80 лет; на пиджаке орден Ленина). Другой – ПАВЕЛ МАКАРОВ, убийца Глеба (за 70 лет; ордена Красного Знамени и Красной Звезды).



Кадр из художественного телефильма «Адъютант его превосходительства» (1969). Справа: капитан Павел Андреевич Кольцов (артист Юрий Соломин), прототипом которого является П.В. Макаров. Слева: Владимир Зенонович Ковалевский (артист Владислав Стржельчик), прототипом которого является генерал В.З. Май-Маевский. Сценарий фильма основан на книге воспоминаний Макарова «Адъютант Май-Маевского» (М., 1927).

*СТЕПАН САЕНКО. Тут, Пашка, кино про тебя по телевизору крутили. «Адъютант его превосходительства»! Во как! Давай выпьем за это!*

Выпивают. В это время прокручиваются кадры из фильма «Адъютант его превосходительства» (или показываются фотографии).

*МАКАРОВ. Какой на ... про меня! Даже не про жопу мою! Всё переврали, собаки!*

*СТЕПАН САЕНКО. Не, кино хорошее... Адъютант превосходительства... Приятно посмотреть. И тебе слава...*

*МАКАРОВ. Какая на ... слава! Они даже не признают, что половину из моей книги спёрли. Сначала писал всюду, искал правду, а потом плюнул и растёр...*

Чокаются, выпивают.

*СТЕПАН САЕНКО (закусывает маринованным грибом, кладёт вилку). А какого ты, воце, книжки писал? Лев Толстой херов!*

*МАКАРОВ. А чего?*

*СТЕПАН САЕНКО. А того! Не суйся вверх. Ты уж пару годков за них отмотал. Мало!*

*МАКАРОВ. А тебя, Стёпа, так и не посадили... Говорили, ты отбился от энкаведистов в 38-м, гранатой грозил... Да я не верю. От них не отобьёшься...*

*СТЕПАН САЕНКО. Верю – не верю... А вот он я – живой и здоровый...*

(Опрокидывает рюмку.)

*И водочку ещё на девятом десятке пить могу.*

**СЦЕНА 5. КИРОВОГРАД. РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА.**

**Лето 1961-го года.**

САМСОНОВ (со вздохом). *Дядю Игната они так и бросили там лежать мёртвого. Потом наши, деревенские, его подобрали. Батюшку из Малого привезли, отпели, честь по чести похоронили. Мамаши моя, покойница, до последних дней своих за могилкой смотрела. Теперь я иногда наезжаю...*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Да, Игнатушка...*

(Крестится.)

*Упокой, Господи, его душу. Жил безотказно и умер героически.*

(Виктору.)

*Ты о деду своём что-нибудь знаешь? Я-то Глеба видел в последний раз только в конце 18-го, в Киеве.*

ВИКТОР. *Его убили в 20-м. Баба Тала сама долго ничего не знала, а потом в госпиталь, где она служила, привезли её брата Андрея, красного командира. Его ранили в Кронштадте, у неё на руках и умер... Он-то перед смертью всё и рассказал. Дед Глеб и его отряд захватили автомобиль, в котором ехал брат бабы Талы. А потом появились красные, переодетые в форму белых. Их командир и застрелил Глеба.*

**СЦЕНА 6. СЕВЕРНАЯ ТАВРИЯ. Более сорока лет назад – август 1920-го года.**

Солдаты Макарова пытаются завести автомобиль. Вокруг ходят лошади без всадников. Повсюду тела дроздовцев, среди них – Игнат. АНДРЕЙ КОВАЛЕНКО сидит на корточках перед лежащим на траве ГЛЕБОМ.

ГЛЕБ. *Талочке... скажи... скажи: супница разбилась... супница... Нет... не говори...*

АНДРЕЙ. *Сам ещё сто раз всё скажешь!*

ГЛЕБ. *Смерть не страшна, смерть не безобразна...*

Глеб закрывает глаза. Слышно, как стрекочет кузнечик. Звучат стихи:

*Рыцари храбрые пали во прах...  
Мечи их давно заржавели.  
Но души их светлые на небесах  
Средь сонма святых... мы верим...<sup>4</sup>*

**СЦЕНА 7. КИРОВОГРАД. РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА.**

**Лето 1961-го года.**

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР (крестится). *Отец Пётр и перед смертью верил, что Глеб жив. Думал, может, в эмиграции... Я не разуверял... Хотя, знал: нет его там. Сам был в эмиграции, пытался найти... Увы...*

САМСОНОВ. *А как это так вышло? То вы были в эмиграции...*

(Обводит рукой трапезную.)

*Теперь вот тут...*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Это, воин, долгая история...*

(Виктору.)

*А с прадедом твоим, отцом Петром, я столкнулся, в Мордовии, в лагере.*

<sup>4</sup> П.П. Булыгин. Вольный перевод с английского стихотворения С.Т. Кольриджа «Могилка рыцаря» («The Knight's Tomb»).

**СЦЕНА 8. МОРДОВИЯ. ОСОБЫЙ ЛАГЕРЬ ДУБРАВНЫЙ.  
Зима 1949-го года.**



**Дубравлаг в Мордовии.**

По заснеженному лагерному двору идёт МИТРОПОЛИТ НЕСТОР (уже за 60 лет). На нём телогрейка, ватные шаровары, валенки, варежки, ушанка. Лагерь имеет тройное ограждение. В дальнем от двора ряду на высоких столбах густо натянута колючая проволока, вверху образуется наклонный навес наружу. В двух метрах от первого ряда ограждения идёт второй – глухой, высокий, дощатый забор, над которым в три ряда натянута «колючка». Третий ряд – невысокий деревянный барьер, на его столбах прибиты белые щиты с жирной черной надписью: «Стоять! Стрелять!». По углам двора виднеются вышки. Лагерь с четырёх сторон освещён мощными лампами на столбах. По двору тянется ряд длинных прямоугольных бараков. Мимо митрополита проходит несколько заключённых, он обращается к одному из них.

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. Скажи, брат, где здесь у вас барак для доходяг?

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ. А ты, дед, чё, новенький?

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. С последним этапом привезли.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ. И, чё, сразу в доходяги запросился?

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. Нет, сказали, что тут один мой знакомый находится.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ. А-а...

(Указывает варежкой на одно из строений.)

Вон ихний барак, третий отсюда.

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. Спасибо, брат.

Митрополит идёт в указанном направлении, спотыкается об один из пеньков, торчащих повсюду, роняет шапку, поднимает её, отряхивает, продолжает идти дальше, входит в барак.

**СЦЕНА 9. КИРОВОГРАД. РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА.  
Лето 1961-го года.**

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР (Виктору). Вот там я и встретил твоего прадеда, а своего лучшего друга отца Петра.

(Подносит платок к глазам.)

Он был уже совсем плох, отходил... Но Господь так устроил, чтоб я был при его последнем часе. Исповедал, причастил...

ВИКТОР. *Как? А разве там можно было?*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Как служили? Без антиминса, без престола? Господь научил... Было там ещё несколько священников. Один ложился, а мы служили у него на груди. Вместо просфоры – хлеб. Господь на Тайной вечери сказал, что хлеб пресуществляется в Его Тело. Вместо вина – вода. В Кане Галилейской Господь претворил воду в вино... Так и служили...*

**СЦЕНА 10. ХАРЬКОВ. РЕСТОРАН «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ».** Апрель 1970-го года.  
За столиком сидят СТЕПАН САЕНКО и ПАВЕЛ МАКАРОВ.

СТЕПАН САЕНКО. *Про меня кин не крутят, зато мне – почёт и уважение. Пионерам рассказываю за свой революционный героизм!*

МАКАРОВ (выпивает). *Про что рассказываешь? Про то, как ты людей жрал?*

СТЕПАН САЕНКО. *А я их не жрал.*

(Выпивает рюмку, берёт за косточку котлету по-киевски, откусывает, жуёт.)

*Я ими закусывал.*

**СЦЕНА 11. ХАРЬКОВ. ЗДАНИЕ ЧК, КАБИНЕТ СТЕПАНА САЕНКО.**  
50 лет назад – март 1919-го года.

*Воспроизводится фрагмент 3-й сцены 8-й серии:*

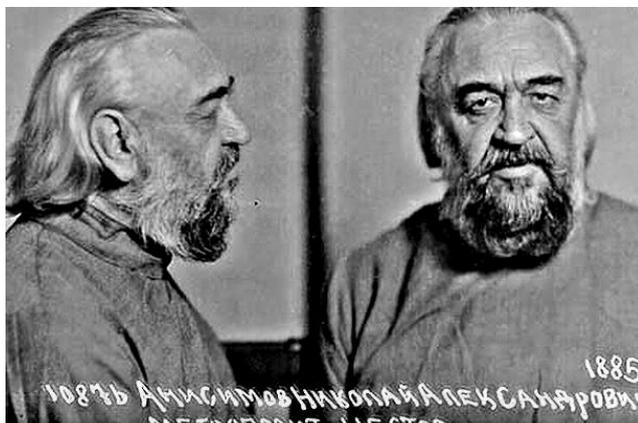
За столом сидят СТЕПАН САЕНКО, ПАВЕЛ КИН, МАТРОС КОЛЯДУН, перед ними стоит САХАРОЗАВОДЧИК КРУПЕЦКИЙ.

СТЕПАН САЕНКО (посмеиваясь, приближается к Крупецкому). *Молодёц! Считай, уже на свободе. А хотя... На хер ты нам теперь сдался? Записка есть...*

Саенко берёт со стола стакан, выпивает. Потом резким движением перерезает горло Крупецкому. Кровь брызжет на стол и растворяется на красной скатерти.

**СЦЕНА 12. МОРДОВИЯ. ОСОБЫЙ ЛАГЕРЬ ДУБРАВНЫЙ.**  
Зима 1949-го года.

Внутри барака по обеим сторонам тянутся двухъярусные нары-вагонки, на которых сидят и лежат заключённые. На одной из нижних – ОТЕЦ ПЁТР (ему за 70 лет), накрыт одеялом, изможденное лицо умирающего. Рядом сидит МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. Они очень тихо разговаривают.



Митрополит НЕСТОР.

**Фотографии из следственного дела НКВД 1948-го года.**

В годы Великой отечественной войны, находясь в эмиграции, владыка занимал стойкую патриотическую позицию, не изменяя при этом своих антикоммунистических взглядов. В

декабре 1945-го архиепископ Нестор вместе с возглавляемой им Харбинской епархией воссоединился с Русской Православной Церковью Московского Патриархата. В 1946-м возведён в сан митрополит Харбинского и Маньчжурского. В 1948-м задержан китайскими властями и депортирован в СССР. На суде в Хабаровске обвинён в антисоветской деятельности. В частности, в написании книги «Разстрел Московского Кремля» и совершении панихид по Алапаевским мученикам. Осуждён на 10 лет ИТЛ. Освобождён в январе 1956-го. Патриархом Алексием I назначен митрополитом Новосибирским и Барнаульским. С 1958-го – митрополит Кировоградский и Николаевский.

**МИТРОПОЛИТ НЕСТОР.** *Вам, отец Пётр, в больничку бы надо. Почему до сих пор не перевели?*

**ОТЕЦ ПЁТР** (еле слышно). *Мне не в больничку надо...*  
(Поднимает глаза вверх.)

*Мне туда уже надо... Только тайну великую боялся унести с собой...*

**МИТРОПОЛИТ НЕСТОР.** *Что за тайну?*

Мимо них проходит заключённый, очень похожий на СРЕБРОБОРОДОГО МОНАХА (играет тот же актёр). Отец Пётр широко открывает глаза и всматривается в него.

**ОТЕЦ ПЁТР.** *Нагнитесь ко мне, владыка.*



**Митрополит НЕСТОР в заключении.**

Митрополит Нестор наклоняется, и отец Пётр долго что-то шепчет ему на ухо. В это время кинокамера показывает барак: вдоль нар и всюду, где можно, сушится огромное количество сырой, грязной одежды. Между вагонками широкий проход, в конце которого стоит стол, сбитый на крестовине. За столом сидит несколько человек. У входа громадный чан – параша. При входе и в противоположном конце горят фонари «летучая мышь». Там же стоят две печки-буржуйки. На окнах решётки. Отец Пётр заканчивает свой рассказ, митрополит Нестор распрямляется.

**МИТРОПОЛИТ НЕСТОР.** *Настоящий детектив...*

**ОТЕЦ ПЁТР.** *И сыщик был: меня Чёрный полковник на каждом допросе о голове спрашивал.*

**МИТРОПОЛИТ НЕСТОР.** *А если подумать: зачем она им?*

**ОТЕЦ ПЁТР.** *Чтоб у нас не было... Они тоже – верующие. Только – в другого веруют.*

**МИТРОПОЛИТ НЕСТОР.** *Да... в другого... и крепка их вера...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Теперь только трое знают, где спрятан ковчежец Патриарха: я, вы и Агафья Лукинишина. Если жива... Мои часы, как видите, сочтены. Значит, вся надежда на вас.*

(Мимо снова проходит заключённый, похожий на сребробородого монаха).

*Вы, владыка, должны выжить, вырваться отсюда, найти и вернуть святыню, когда час пробьёт...*

ГОЛОС НАДЗИРАТЕЛЯ. *Готовсь к отбою. Посторонним покинуть барак.*

Митрополит Нестор скрытно благословляет отца Петра, они обнимаются и целуются.

### СЦЕНА 13. КИРОВОГРАД. РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА.

Лето 1961-го года.

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Через два дня отпели мы отца Петра...*

(Снова вытирает платком глаза.)

*Волю его последнюю его я исполнил. Разыскал, сберёг, вернул...*

Камера крупно показывает красный угол трапезной: яркий солнечный луч падает на образ Сергия Радонежского, и он как бы сияет.

ГЛЕБ САМСОНОВ. *Что вернули?*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Не время сейчас говорить об этом... Как-нибудь потом...*

ВИКТОР. *А кто-нибудь что-то слышал об Агафье?*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Агафья так и пропала. Я, как вышел из лагеря, побывал у её сродников в Мытищах. Говорят, два года после ареста писала, потом – всё, молчок... Думаю, сгинула где-нибудь в лагерях. Там с её языком не выживешь... Сейчас, вот, всяких Якиров да Тухачевских поминают, мол, невинные жертвы... Но о миллионах Агафий и Игнатов – молчат! Не было их!.. Прах... А я говорю: не прах! Венец мученический прияли – и Царствие небесное обрели!*

(Крестится на икону, вслед за ним крестятся Виктор и Самсонов.)

Вы чай-то пейте за разговором, да конфетки берите.

(Обращается к Виктору.)

Ты о себе-то расскажи, Виктор Архангельский, о ваших...

ВИКТОР. *Бабушка Тала с моим отцом перебралась в Петроград, там её устроили сестрой в военный госпиталь. Баба Оля ей помогала. Потом к ним приехала баба Аня, служила машинисткой. В первые дни войны отец ушёл на фронт.*

ГЛЕБ САМСОНОВ. *Паша Архангельский у меня во взводе был. Как-то разговорились, то да сё, я и сказал, что из Белкина. А он: у меня там дед в церкви служил. Вот оно как срослось... Я тогда только взвод принял... От того взвода вскорости рожки да ножки остались... три человека... Всех остальных миномётами накрыло... и Пашу...*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Как и отец, в бою погиб, за Россию.*

(Виктору.)

*Гордись!*

ВИКТОР. *Я и горжусь... Мы тогда в эвакуации были, в Челябинске: мама, баба Оля, баба Аня и я. А баба Тала отказалась ехать, не хотела госпиталь бросать... В блокаду от голода умерла... Даже могилы нет...*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *О, Господи!*

С трудом встаёт из кресла, подходит к иконам, шёпотом читает молитвы.

**СЦЕНА 14. ХАРЬКОВ. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ УЛИЦА.  
ГОСТИНИЦА «ЮЖНАЯ». 42 года назад – июнь 1919-го года.**

*Воспроизводится фрагмент 20-й сцены 8-й серии:*

За столом в гостиничном номере сидят ГЛЕБ, ТАЛОЧКА, СОКОЛОВ, ИГНАТ.

ТАЛОЧКА. *За победу!*

(Выпивают.)

*Глеб, ты помнишь, как всё начиналось? Помнишь Немецкую улицу? Помнишь, Глебчик, Лефортово? Полковника Лихачёва?*

(Встаёт, медленно проходит в угол комнаты, берёт стоящую там гитару, слегка настраивает её, поёт.)

*Есть в стане моём — офицерская прямоть,*

*Есть в рёбрах моих — офицерская честь.*

*На всякую муку иду не упрямясь:*

*Терпенье солдатское есть!*

*И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром*

*Скрежещет — корми-не корми! —*

*Как будто сама я была офицером*

*В Октябрьские смертные дни...*

**СЦЕНА 15. ХАРЬКОВ. РЕСТОРАН «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ». Апрель 1970-го года.  
За столиком сидят СТЕПАН САЕНКО и ПАВЕЛ МАКАРОВ.**



Ресторан «Центральный» в Харькове.

СТЕПАН САЕНКО (выпивает рюмку, бьёт кулаком по столу и кричит Макарову). *Ты, оборкот, с беляками хавал да пил, а потом стучал на них, сука. А я их стрелял.*

МАКАРОВ. *А потом – и хавал, и пил.*

СТЕПАН САЕНКО. *Почему потом? Можно было и сразу.*

(Ещё выпивает, стучит по столу.)

*Стрелял и стрелять буду, как красный герой!*

МАКАРОВ (тоже выпивает). *Кровосос ты паскудный, а не красный герой. Вот, что я тебе, по правде, скажу.*

СТЕПАН САЕНКО (задыхаясь от негодования). *А ты... ты... Не знаю, как и назвать... Ты – вытердыши белогвардейский!*

Саенко берёт со стола котлету по-киевски, швыряет в лицо Макарову. Тот хватается Саенко за грудки. Всё со стола летит на пол. Слышны возмущенные крики публики, пронзительные свистки.

**СЦЕНА 16. КИРОВОГРАД. РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА.  
Лето 1961-го года.**

ВИКТОР. *А вот о Фёдоре Архангельском я ничего не знаю.*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Зато я знаю... знал... Я потерял Федюшку в Омске в 19-м. Потом оказалось, он был насильно мобилизован атаманом Анненковым. Вытащил его университетский приятель. Оба они совершили Ледяной поход до Читы. В 21-м вместе с горсткой мальчишек-капеллецев вырвали власть у тысячи красных во Владивостоке. А потом и Владивосток пал. Эвакуацию произвели внезапно.*

**СЦЕНА 17. ВЛАДИВОСТОК. АДМИРАЛЬСКАЯ ПРИСТАНЬ В БУХТЕ  
«ЗОЛОТОЙ РОГ». Почти сорок лет назад – 25-е октября 1922-го года.**

По наклонной дороге, идущей из города, бегут ФЁДОР АРХАНГЕЛЬСКИЙ, СЕРГЕЙ БЕЗДЕТНЫЙ и ТРОЕ КАДЕТОВ Морского корпуса (они в измызганных шинелях, фуражках, с винтовками за плечами). Добежав до пристани, замирают: пристань совершенно пуста, нет ни людей, ни кораблей. Тихо звучит мелодия Дроздовского марша, она же – советской песни «По долинам и по взгорьям...».



Владивосток. Адмиральская пристань в бухте «Золотой Рог».

СЕРГЕЙ. *Приплыли!..*

ФЁДОР. *Вернее, уплыли. Корабли наши уплыли без нас.*

1-й КАДЕТ. *Корабли не плавают, а ходят.*

ФЁДОР (насмешливо). *Бывалый моряк... А нам теперь, что? До Японии тоже ходить аки посуху! Красные вот-вот возьмут Владивосток!*

2-й КАДЕТ. *Я ж говорил: нечего до сих пор было в тайге сидеть, красных всё равно не отобьёшь втятером. А теперь вот...*

Они замечают сидящего на лавочке мужчину в бушлате, который их нехотя рассматривает, покуривая короткую трубочку. Это – отставной боцман ДЯДЯ ВАСЯ. Ему за пятьдесят. Лицо, которое говорит о регулярных возлияниях, обрамляет шкиперская борода. Сергей направляется к нему.

СЕРГЕЙ. *Здравствуйте!*

ДЯДЯ ВАСЯ. *Здорово... У тебя, хлопец, выпить нету?*

СЕРГЕЙ. Немного осталось.

Сергей отстёгивает флягу и подаёт дяде Васе. Тот делает большой глоток, потом трясёт флягу надо ртом. К ним подходят Фёдор и кадеты.

ДЯДЯ ВАСЯ (Сергею). *Выручил, прям, выручил! Спаситель!*

(Подаёт руку.)

Боцман Пронин, дядя Вася. *Куда навострились, хлопцы?*

3-й КАДЕТ. *В Японию...*

ДЯДЯ ВАСЯ (указывает в сторону моря). *Вона она, ваша Япония.*

3-й КАДЕТ. *А как добраться туда?*

ДЯДЯ ВАСЯ. *Добраться? Валяй, вплавь.*

СЕРГЕЙ. *А если серьёзно?*

ДЯДЯ ВАСЯ. *Вишь, какой сурьёзный! А коли сурьёзно, то никак в твою Японию не попадёшь. Старк, адмирал, давеча всю флотилию увёл. Де ж вы были?*

Фёдор отстёгивает флягу, встряхивает над ухом, протягивает дяде Васе. Лицо у того расцветает.

ФЁДОР. *Возьмите, там есть ещё.*

ДЯДЯ ВАСЯ. *Во, за угощеньеце премного благодарны.*

(Выпивает, крикает, потом говорит в раздумье.)

*Разве что на «Рязани»...*

ФЁДОР. *А что такое «Рязань»?*

ДЯДЯ ВАСЯ. *Бот моторно-парусный. Это говно никто и брать не стал, бросили... А зря... Он ходкий...*

(Дядя Вася указывает рукой.)

*Вон он.*

Все смотрят туда, куда указал дядя Вася: действительно вдалеке у берега стоит маленький бот.

СЕРГЕЙ. *А эта скорлупа дойдёт до Японии?*

ДЯДЯ ВАСЯ. *А хрен её знает... Может, и дойдёт... Говно, воце-то, не тонет...*

ФЁДОР. *Дядь Вась, давай, посмотрим, эту посудину.*

ДЯДЯ ВАСЯ (вытряхивая трубку и вставая). *Ну, пойдём, коли так.*

Все направляются к боту.

### **СЦЕНА 18. ХАРЬКОВ. РЕСТОРАН «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ». Апрель 1970-го года.**

В ресторане продолжается драка между САЕНКО и МАКАРОВЫМ: два старика валяются на полу и отчаянно лупят друг друга. Появляется наряд милиции во главе с ЛЕЙТЕНАНТОМ. Они с трудом разнимают дерущихся. Саенко и Макаров стоят ободранные, избитые, тяжело дышат. Видны ордена на порванных пиджаках. На полу валяются стулья, разбитая посуда, лужи водки и томатного сока.

ЛЕЙТЕНАНТ. *Что же вы это, товарищи старики, напились, буяните. Только ордена свои позорите.*

СТЕПАН САЕНКО. *Не ты, сопляк, нам эти ордена давал, не тебе об них и толковать.*

ЛЕЙТЕНАНТ (милиционерам). *Ведите этих ветеранов в машину, повезём в участок.*

(Оглядывается по сторонам.)

*Старые, а такой разор натворили...*

В ресторанном зале появляется АСТРОНОМ в дорогом плаще, шляпе (внешне он ничуть не изменился). Подходит к лейтенанту и предъявляет красное удостоверение.

АСТРОНОМ (командным голосом). *Лейтенант, развезите этих товарищей по домам и проследите, чтобы с ними всё было нормально. Это – заслуженные товарищи.*  
(Обращается к окружающим.)

*Ничего страшного не произошло. Что поделаешь, возраст... В своё время эти товарищи подняли знамя революции, крепко держали и с достоинством несли его. Мы им всем обязаны.*

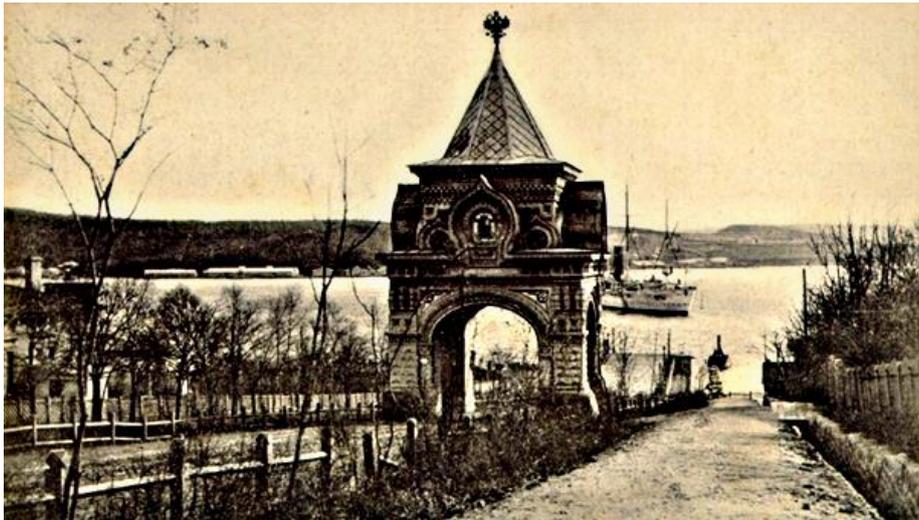
Астроном уходит. Вслед за ним, поддерживая друг друга, плетутся Саенко и Макаров. Сзади – милиционеры.

ЛЕЙТЕНАНТ (себе под нос). *Опять «старшие братья» лезут, куда их не просят.*

### СЦЕНА 19. ВЛАДИВОСТОК. АДМИРАЛЬСКАЯ ПРИСТАНЬ.

25-е октября 1922-го года.

В арке Цесаревича появляется СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ (в полушубке, шапке, с мешочком за плечами, опирается на клюку).



Владивосток.

Арка Цесаревича (Николаевские ворота) и Адмиральская пристань.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Эй, эй, православные!*

(Все оборачиваются и останавливаются; монах подходит к Фёдору, шедшему последним).

*Это куда-то, радость моя, Господь меня привёл?*

ФЁДОР. *Это – край земли русской, батюшка. Самый край.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Русской? Это хорошо, что русской.*

(Крестит всех, оборачивается лицом к городу, становится, благословляет и его, и как бы всю Русь.)

*Спаси её, Господи!*

### СЦЕНА 20. КИРОВОГРАД. РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА.

Лето 1961-го года.

САМСОНОВ. *Неужели Фёдор и кадеты добрались до Японии?*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Добраться-то добрались... Пятеро мальчишек с дядей Васей вместо капитана приплыли в город Цуругу. Я как раз только что приехал туда.*

ВИКТОР. *Вы там встретились?*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Да, только ненадолго. Японцы их на берег не пустили.*

ВИКТОР. *Почему?*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Опасались наплыва беженцев. Как я ни хлопотал, ничего не помогло. Только снабдили водой да припасами. И пришлось нашим морякам идти аж до Америки.*

САМСОНОВ. *Разве это возможно? На какой-то лодчонке от Владивостока до Америки?*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *А ты что по своей войне не знаешь, что для русских всё возможно?.. Четыре месяца шли и дошли.*

## **СЦЕНА 20. СИЭТЛ (США, ШТАТ ВАШИНГТОН). Февраль 1923-го года.**

В темноте к американскому берегу подходит бот «Рязань». У штурвала стоит боцман ДЯДЯ ВАСЯ. Рядом с ним – оборванные, измождённые ФЁДОР и КАДЕТЫ.



Порт Блэкли, неподалёку от Сиэтла.

ДЯДЯ ВАСЯ. *Давай, салаги, глуши мотор. Тихонько обойдём с подветренной стороны и прям к стенке станем. А то, боюсь, эти супостаты нас за спиртовоза примут и обратно заворотят.*

Вдруг загораются мощные прожекторы. В их свете видна целая флотилия яхт и парусников, на палубах которых стоят люди, размахивающие руками.

ДЯДЯ ВАСЯ. *Ну всё! Капец прямо по курсу!*

Из громкоговорителей слышна английская речь.

2-й КАДЕТ. *Я ж говорил: надо было на Филиппины идти! А вы: Америка большая – в море не промахнёшься!*

1-й КАДЕТ. *Вот и не промахнулись...*

ФЁДОР. *Не трещите вы, они же что-то говорят нам. Дайте послушать.*

ДЯДЯ ВАСЯ. *А ты чё, по-ихнему балакаешь?*

ГОЛОС ИЗ ГРОМКОГОВОРИТЕЛЯ. *Seattle citizens welcome young athletes, who have set the world record!*

ДЯДЯ ВАСЯ. *Чё там?*

ФЁДОР. *Они говорят, что мы – спортсмены, поставившие мировой рекорд...*

ДЯДЯ ВАСЯ. *Ё-моё на клотике! Форштивнем перегнуть! Рекорд, твою... Может и выпить дадут?*

## СЦЕНА 21. КИРОВОГРАД. РЕЗИДЕНЦИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА.

Лето 1961-го года.

ВИКТОР. *А откуда в Сизтле могли узнать о прибытии бота?*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Моряков-то наших встретил американский пароход, сообщил по радиотелеграфу. И в газетах пропечатали: мол, молодые спортсмены устанавливают мировой рекорд трансокеанского рейса при наименьшем тоннаже. Знали б они, какой там спорт был...*

САМСОНОВ. *Об этом книжки бы писать...*

ВИКТОР. *Лучше – стихи...*

Звучат стихи:

*Лбом мы прошибали океаны  
Волн летящих и слепой тайги:  
В жребий отщепенства окаянный  
Заковал нас Рок, а не враги.<sup>5</sup>*

## СЦЕНА 22. КИРОВОГРАД.

### ДВОР СОБОРА ВО ИМЯ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

По церковному двору идут МИТРОПОЛИТ НЕСТОР, ВИКТОР, САМСОНОВ.

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Потом Федюшка перебрался ко мне в Харбин... Всё не мог забыть свою Софию... Принял монашество с именем Сергия. Когда я в 48-м собирался в Москву, он наотрез отказался, из Харбина уехал. И правильно сделал. Не то б мыкался по лагерям, как я, может, и того хуже... Не знаю, где теперь... Вестей никаких нет...*

ВИКТОР (смотрит на часы). *Владыка, извините, но нам пора на поезд: мы сегодня же возвращаемся в Москву.*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Что ж, ладно. И так, спасибо, что навестили старика. Обо всём, кажется, побеседовали.*

ВИКТОР. *У меня до сих пор в глазах мелькают картины событий, о которых мы говорили. Страшно... и больно. Эти люди отдали столько сил, самих себя... И всё напрасно. Той России, за которую они боролись, нет. Белая трагедия...*

МИТРОПОЛИТ НЕСТОР. *Федя всё время вспоминал слова своего профессора Ильина: «Мы победим, даже если проиграем». Думаю, что так оно и произойдёт... Если бы в момент, когда тьма окутала нашу родину, не нашлось людей, возжелавших света, это означало бы духовную смерть России. Но такие люди, слава Господу, нашлись. Их было мало, они проиграли. Силы Белой Гвардии были сломлены, и как тело она погибла. В духовном же отношении Белый подвиг и Белая трагедия никогда не умрут в будущей истории Великой Святой Руси... Они дадут всходы. Пусть нескоро. Я верю во благость Господню, верю, что Россия вернется к России Христа! Святая Россия не погибнет, – говорила мне мученица Елизавета.*

Митрополит благословляет, заключает в объятия Виктора и Самсонова.

<sup>5</sup> А.И. Несмелов. Поэма «Через океан».

### СЦЕНА 23. МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

С последних событий прошло 56 лет, 2017-й год.

На Красную площадь возвращаются ВИКТОР АРХАНГЕЛЬСКИЙ, его внуки ФЁДОР и АННА. Они не спеша идут по площади. В это время звучит ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС ВИКТОРА и одновременно на экране появляется текст, который он произносит:

*Будто какой-то рок сгустился над Россией в начале XX века. Не ввергла бы русская власть Россию в ненужную для неё войну с Японией – не было бы революций. Остался бы Пётр Столыпин премьер-министром – не допустил бы ненужной для России войны с Германией и не было бы революции. Не было бы в России inferнальной фигуры Ленина – не было бы октябрьского переворота. Именно Ленин с маниакальной энергией ковал когорту маньяков революционных потрясений, вбивал в общественное сознание самые разрушительные и кровавые призывы. Но большевики никогда не пришли бы к власти, если бы спайка думских лидеров, высшего генералитета и аристократии не совершила накануне победы в Великой войне предательский февральский переворот. Насильственное отречение государя лишило тысячелетнюю Россию стержня власти, парализовало правосознание людей, на котором только и держится государство. Результатом всего этого стала страшная гражданская бойня, в которой погибли миллионы русских людей, погибла Великая Россия.*

Камера снова показывает Виктора с внуками, идущих по площади. Они останавливаются между Спасской башней и мавзолеем Ленина.

ВИКТОР. *Вот здесь, у Кремля, всё начиналось. И наша прогулка, и эпопея наших предков. История, как говорил Карамзин, «завет предков потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего». Павших, и красных, и белых, может быть, уравниют перед Вечным Судией их смерть, их страдания. А вот для нас, живых, останется навеки заветом выбор между белым и красным, между бунтом и строем, между революцией и Россией. Мы за Россию! И, как пел когда-то ваш прадед: «Вперед без страха, с нами Бог!».*

Виктор и его внуки идут к Воскресенским воротам.



В это время едва слышно начинает звучать мелодия «Интернационала». Со стороны Верхних торговых рядов, почти во всю их ширину, появляются все «КРАСНЫЕ» герои фильма во главе с ЛЕНИНЫМ и направляются к мавзолею. На нём возвышается фигура АСТРОНОМА со скрещенными на груди руками. За мавзолеем видны мемориальные доски на Кремлёвской стене, памятники. Шеренга «красных», конусовидно сужаясь, приближается к открывающимся в этот момент дверям Мавзолея и как бы втягивается в них. Мелодия «Интернационала» смолкает.

Камера переносится к Воскресенским воротам: через них проходят Виктор и внуки. Потом возвращается на место мавзолея: там пустое пространство. Ни самого мавзолея, ни памятников, ни мемориальных досок нет.

Куранты начинают играть «Коль славен наш Господь в Сионе». Открываются Спасские ворота из них выходят все «БЕЛЫЕ» герои фильма во главе с СЕРГИЕМ РАДОНЕЖСКИМ, ПАТРИАРХОМ ТИХОНОМ и ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ. Они постепенно заполняют собой всю Красную площадь (показываются крупно), потом медленно поднимаются вверх и растворяются. Куранты играют «Коль славен наш Господь в Сионе».

**КОНЕЦ ФИЛЬМА**